

В. В. Каминский

**Выпускники
Николаевской Академии
Генерального Штаба
на службе
в Красной Армии**

Санкт-Петербург

АЛЕТЕЙЯ

2011

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)
К18

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Каминский В. В.

К18 Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии / В. В. Каминский. — СПб.: Алетейя, 2011. — 736 с. — (Серия «Русский мир»).

ISBN 978-5-91419-009-2

Кто в действительности создал Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА)? Кто стал подлинным организатором ее побед на главных фронтах гражданской войны (1918–1920 гг.)? Эта книга посвящена служебной занятости в Красной Армии 703-х выпускников самого престижного военно-учебного заведения Российской империи — Николаевской Академии Генерального Штаба (АГШ).

Основываясь на богатом архивном материале (многие документы вводятся в научный оборот первый раз) автор впервые в мировой историографии делает попытку беспристрастного подхода к оценке подлинной роли «генштабистов» в обеспечении победы «красного режима» в гражданской войне начала прошлого столетия.

Надежды, которые большевики возлагали на «генштабистов», не замедлили оправдаться. Корпус Генштаба РККА не только количественно, но и качественно превосходил аналогичный корпус армий Колчака и Деникина вместе взятых. К лету-осени 1919 г. благодаря профессиональным усилиям «генштабистов» не только была создана самая мощная на просторах бывшей империи армия, но и сокрушительно разгромлены войска главных политических противников большевиков — колчаковская Русская Армия и деникинские ВСЮР.

Немало страниц посвящено личной харизме Л. Д. Троцкого, который в годы гражданской войны показал себя не только выдающимся организатором Красной Армии. Собственно благодаря его протекции корпус Генштаба РККА пополнялся талантливыми военными специалистами, многие «генштабисты» были освобождены из застенков ЧК именно благодаря вмешательству Троцкого. Совершенно штатский человек, Троцкий отнесся к доставшейся ему части корпуса Генштаба царской армии с гораздо большим прагматизмом, нежели блестящий специалист минного дела адмирал Колчак и талантливый пехотный командир А. И. Деникин.

Книга предназначена как для ученых-специалистов, так и для всех тех, кому не безразлична судьба России и доблестного русского офицерства.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-91419-009-2

© В. В. Каминский, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выбор темы. Уже более века отделяет нас от событий «русской смуты» начала XX столетия, но споры о тех событиях еще долго не утихнут, как они не прекращаются вот уже более 200 лет после Великой Французской революции конца XVIII века. Как во Франции 1789–1815 гг., так и в описываемое время в России, военное сословие, как никакая другая прослойка населения, оказалось жестко втянуто в общественный конфликт. Поэтому изучение социальных настроений различных категорий военнослужащих в дни политических катаклизмов всегда будет привлекать внимание историков.

Дабы не «утонуть в материале» пишущий эти строки вынужден был отказаться от погружения в обширную социальную проблематику почти 300-тысячного офицерского корпуса русской армии (численность — на осень 1917 г.¹), и среди ряда категорий русского офицерства выделить ту, которая отличалась бы от прочих некими специфическими признаками.² Не случайно поэтому выбор автора пал на выпускников самого престижного военно-учебного заведения Российской империи — Николаевской Академии Генерального Штаба (АГШ), представителей интеллектуальной армейской элиты, специалистов высшей военно-профессиональной квалификации.

Для достижения оптимальной глубины исследования автор сосредоточил свое внимание на социальных настроениях той части выпускников АГШ, которые на разных этапах периода с конца 1917 — на протяжении 1919 гг. находились на военной службе у ленинского режима (**всего — 703 чел.**). Большевики их называли «лицами» или «специалистами Генштаба».³ Указанное тематическое ограничение оказалось возможным благодаря собранному автором обширному материалу, прежде всего, архивному, связанному со служебной адаптацией 703 «специалистов Генштаба» в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), начиная с весны 1918 г. Одновременно наличие подобного материала позволило обосновать тематическое ограничение проблемы и выявить ее научно-исследовательское значение.

Во-первых, выпускники АГШ уже к началу XX в. сами по себе являлись достаточно колоритной социальной и служебно-статусовой категорией, чтобы о них можно было говорить отдельно в ракурсе социальных катаклизмов, потрясавших Россию в 1917–1920 гг.

Во-вторых, при поступлении на службу в РККА весной — осенью 1918 г. «генштабистами» была проявлена ярко выраженная *социально-бытовая мотивация*.⁴ Другими словами, в новой армии «лица Генштаба» стремились восстановить и упрочить свой служебный статус, имевший место быть до катаклизмов 1917 г. При этом они заботились о разрешении следующих проблем: восстановление служебного положения в качестве офицеров Генштаба (прежде всего для этого требовалось получить должность по Генштабу); получение места службы поближе к своему (или своей семье) месту жительства, причем, желательно в тылу; материальное и социальное обеспечение себя и своих семей. Последнее предполагало получение различного рода пайков, надбавок, командировочных, подъемных, суточных, и пр.; поправка собственного здоровья. Указанная мотивация не изменилась в сущности и к лету — осени 1919 г., поскольку, оказываясь на фронтах гражданской войны, «генштабисты» РККА продолжали заботиться, прежде всего, о своем карьерном продвижении.

Автор настоящей книги готов признать, что в русском хаосе 1917–1920 гг. на ход событий и на социальные настроения различных категорий населения бывшей Российской империи в той или иной мере оказали свое влияние самые разнообразные факторы: географические, социальные, политические, экономические, лично-харизматические и др. Тем не менее, у автора имеются достаточно веские основания полагать, что в настроениях «генштабистов» в условиях «русской смуты» 1917–1920 гг. именно «фактор социально-бытовой мотивации» сыграл решающую роль в ориентации указанной офицерской категории в пользу службы в рядах РККА. Такая мотивация нашла «живейший отклик» у большевистской военно-политической «верхушки», чрезвычайно заинтересованной в высококвалифицированных специа-

листах, способных быстро сформировать боеспособную и преданную новому режиму армию. Иными словами, проявление «генштабистами» социально-бытовой мотивации при поступлении на службу к большевикам в конце 1917–1919 гг. и успешная реализация этой мотивации большевиками оказались вполне естественными явлениями в значительной мере потому, что сами большевики показали себя в названное время по отношению к выпускникам АГШ не фанатиками или романтиками-идеалистами, а крайне жесткими прагматиками! Иначе говоря, большевистские лидеры, а прежде всего их военный министр Л. Д. Троцкий, в значительной степени были готовы предоставлять «генштабистам» высокие оклады и статус, нежели грозить им комиссарским надзором и репрессиями ЧК. В итоге образовался «весьма плодотворный брачный союз» большевиков и «лиц Генштаба», причем, взаимные претензии сторон изначально определились достаточно ясно. По меткому выражению известного американского историка Р. Пайпса, «...коммунисты нуждались в бывших офицерах, которые могли бы организовать управление «красными» вооруженными силами, тогда как бывшие офицеры стремились сохранить свой профессиональный и материальный статус, способный оградить их от репрессий».⁵

В-третьих, именно выпускники АГШ, при всей их малочисленности среди других категорий комсостава РККА, «сыграли» выдающуюся «роль» как в организации большевистской армии (конец 1917–1918 гг.), так и в обеспечении ее побед на двух главных фронтах русской гражданской войны (Восточном и Южном, осень 1918 — конец 1919/ весна 1920 гг.)!⁶

В-четвертых, в мировой историографии, посвященной русской революции и гражданской войне 1917–1920 гг., проблема социально-бытовых настроений русского офицерства вообще, а особенно выпускников АГШ, служивших в РККА, до сих пор сколько-нибудь основательно не рассматривалась. Ученые акцентировали свое внимание на более раннем периоде социальной истории русского офицерства (последняя треть XIX в. — 1917 г.), исследовали военную-политическую деятельность лидеров «белого» движения или РКП(б), наконец, подробно рассматривали боевые действия гражданской войны. Если они все же обращались к проблемам службы офицерства «добольшевистской» армии в РККА, то обуславливали такую службу либо «патриотическими» и «профессиональными» мотивами, либо страхом перед комиссарским надзором и репрессиями ЧК. Слабость историографической разработки темы социальных настроений «лиц Генштаба», служивших на разных этапах периода с конца 1917 — на протяжении 1919 гг. большевистскому режиму, усугубляется крайне «политизированным подходом» «советской школы», и не соответствующим реальности подсчетом общей численности корпуса Генштаба РККА за 1918–1919 гг. Важнейшей причиной последнего стала неспособность большевиков в это время эффективно провести учет и регистрацию «специалистов Генштаба», оказавшихся в их распоряжении. В итоге, военное ведомство не только само не имело точных сведений относительно численности своего корпуса Генштаба, но и «ввело в заблуждение» всю мировую историографию, оставив весьма проблематичные именные списки «генштабистов» РККА, составленные по данным Мобилизационного Управления (Мобупр) Всероссийского Главного Штаба (Всероглавштаб, ВГШ).

В-пятых, автор намеренно оставляет в стороне всю обширную проблематику «белого движения», которая требует отдельного, весьма основательного и непредвзятого изучения. «Белое движение» для настоящего труда является внешним фоном, на котором оформлялся служебный статус «лиц Генштаба», находившихся на службе в РККА. Такой фон сыграл предназначенную ему роль в двух существенных случаях: 1) при обращении к проблеме «переходов» различных категорий «генштабистов» из РККА в «белый» лагерь, имевших место в 1918–1919 гг.; 2) при анализе профессиональной деятельности «специалистов Генштаба», служивших в РККА на двух главных фронтах гражданской войны (лето 1918 — конец 1919 гг.).

Основная задача настоящего исследования содержит в себе как бы тройной смысл. Во-первых, следует обосновать авторскую гипотезу о том, что крайняя нужда большевиков

в формировании профессиональной армии, необходимой им для удержания политической власти, заставила ленинское правительство проводить ярко выраженную прагматическую политику именно по отношению к «лицам Генштаба», способным как никто другой «воплотить в жизнь» указанную потребность. Иными словами, чтобы привлечь названных «лиц» на свою военную службу и «удержать» их на таковой, большевики вынуждены были с первых же дней своего пребывания у власти приступить к созданию в своих вооруженных силах «режима наибольшего благоприятствования» для «генштабистов». Во-вторых, желательно понять проблему становления внутреннего статуса 703 выпускников АГШ на военной службе у большевиков на различных этапах периода с конца 1917 г. — на протяжении 1919 г. Автор надеется доказать, что важнейшей причиной поступления «генштабистов» на службу в РККА явилась насущная потребность восстановления и сохранения их служебного статуса, который вследствие революционных потрясений 1917 г. оказался под угрозой.

Наконец, в-третьих, авторская задача видится в том, чтобы выяснить, каков был конкретный «вклад» корпуса Генштаба РККА 1918–1919 гг. в реализацию трех важнейших достижений военного строительства периода гражданской войны:

- а/ в формирование Военно-Административного Аппарата (ВАА) РККА в «центре»;
- б/ в становление и эффективное функционирование «окружной системы» на «местах»;
- в/ в обеспечение боеспособности РККА и достижение победы в решающих сражениях на основных фронтах гражданской войны.

Следует иметь в виду, что подобное разделение имеет право на существование только в рамках научного исследования. В русской реальности 1917–1920 гг. его не было, да и быть не могло. Создание «центрального» ВАА РККА должно было быть неразрывно связано с формированием штабной структуры армий и фронтов. Массовая мобилизация призывных возрастов и формирование боевых дивизий в системе «местных» военных округов были бы обречены на провал без тесного взаимодействия с «центральной» системой Всеобщего Военного Обучения (ВСЕВООБУЧ), Военно-Хозяйственного Управления (ВХУ) и Мобупра ВГШ.

Становление служебного статуса в новых условиях и его составные части. К началу XX в. АГШ по праву считалась самой престижной военной академией царской России. Ее чрезвычайно высокий статус определялся не только универсальностью учебного курса, но и трудностью поступления и учебы в Академии, сложностями, связанными с причислением к Генштабу после ее окончания. Зато уж окончание даже неполного курса АГШ гарантировало офицеру значительно более быстрое продвижение по службе. Выпускники Академии Генштаба представляли собой интеллектуальную элиту русского офицерского корпуса.⁷ О военно-профессиональной значимости АГШ свидетельствует тот факт, что к началу Первой Мировой войны русская армия управлялась именно ее выпускниками,⁸ хотя в количественном измерении на «генштабистов» приходился чрезвычайно малый процент. Если учесть, что численность всего офицерского корпуса русской армии к концу 1917 г. приближалась к 300,000, а общее количество офицеров, обучавшихся к лету 1918 г. в АГШ, составляло 5,511 чел. (причисленные к Генштабу среди них составляли всего 1,500–1,600 чел.),⁹ то получается, что общая численность обучавшихся в АГШ составила примерно 1,8% от общей офицерской массы.

Поступив на военную службу к большевикам, «лица Генштаба» сохранили свой высокий служебный и интеллектуальный статус. При этом по своей численности «генштабисты» продолжали оставаться тем же незначительным меньшинством, каковым они были в армии до 1917 г. По подсчетам советского историка Н. Ефимова, основанным на данных Мобупра ВГШ, на 1 апреля 1919 г. в РККА значилось 216280 лиц комсостава. Иначе говоря, 703 выпускника АГШ составляли лишь 0,3% от общей численности комсостава РККА в указанное время.¹⁰

★ ★ ★

Глобальными последствиями «русской смуты» 1917–1920 гг., одного из поворотных событий в истории XX в., стали установление на многие десятилетия тоталитарного коммуни-

тического режима и проникновение в умы миллионов людей коммунистической идеологии. Разгон большевиками Учредительного Собрания (6 января 1918 г.) и подписание правительством В. И. Ленина Брестского мира (3 марта 1918 г.) значительно углубили социальный раскол в России, назревавший еще с весны 1917 г., и сделали неизбежным вооруженный гражданский конфликт (ноябрь 1917 — ноябрь 1920 гг.). Примечательными особенностями этого конфликта стали разделение страны на два враждебных лагеря (пробольшевистский «красный» и антибольшевистский «белый»), широкий «разлив» анархистско-крестьянской «вольницы», а также бурный рост националистического движения на окраинах бывшей империи.¹¹ События 1917–1920 гг. явились важнейшим фактором социального раскола среди представителей корпуса русского Генштаба. ***Генштаб России стал не только неизбежной жертвой социального раскола в стране, но и активным участником гражданской войны начала XX века!***

Освобождение от присяги Государю Императору, сопровождавшееся отменой всех офицерских чинов и званий, предопределило к концу 1917 — лету 1918 гг. перемещение офицерских масс в разные политические лагеря. Не случайно известный «белый» военачальник Генштаба генерал-лейтенант А. И. Деникин (1899 г. выпуска) отмечал, что «...вся сила, вся организация и красных и белых армий покоилась исключительно на личности старого русского офицера».¹² Эти слова как нельзя более подходят к характеристике судеб корпуса русского Генштаба того времени. Приведем конкретные примеры.

Выпускники АГШ одних и тех же сроков нередко оказывались в разных политических лагерях. Например, Деникину, Командующему «белой» Добровольческой Армией (31 марта — 26 декабря 1918 г.), а затем — Главному Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР), возглавившему летом — осенью 1919 г. знаменитый «поход на Москву», противостоял соученик по Академии генерал-майор П. П. Сытин, который с 11 сентября до конца ноября 1918 г. управлял большевистским Южным фронтом, а затем — Военно-Административным Отделом (ВАО) Реввоенсовета (РВСР) Красной Армии.¹³ По воспоминаниям А. Геруа, в тот период, когда деникинские части победоносно двигались по направлению к Москве, П. Сытин, «не унывал»: «Держись, Деникин Антон, посмотрим, кто кого».¹⁴

Будущий маршал СССР Б. М. Шапошников, заведовавший с 22 мая до конца сентября 1918 г. разведкой в РККА, закончил АГШ в 1910 г. одновременно с генерал-лейтенантом бароном П. Н. Врангелем, будущим руководителем «белых» сил на Юге России.¹⁵ Выпускниками АГШ 1913 г. были подполковники В. О. Каппель и Ф. Е. Махин,¹⁶ будущие организаторы армии Комуча в Поволжье летом 1918 г.¹⁷ В том же 1913 г. АГШ закончил целый ряд офицеров, добровольно вступивших в РККА и руководивших в 1918–1919 гг. различными отделами ее «центрального» ВВА, или штабами ее боевых частей.¹⁸ Многие известные руководители «Белого движения» в свое время закончили АГШ и были причислены к Генштабу, как-то: генералы от инфантерии М. В. Алексеев (1884 г. выпуска) и Н. Н. Юденич (1887 г. выпуска); генерал-лейтенанты А. П. Богаевский (1900 г. выпуска), В. Г. Болдырев (1903 г. выпуска), А. И. Деникин, Л. Г. Корнилов (1898 г. выпуска), Е. К. Миллер (1892 г. выпуска); полковник М. Г. Дроздовский (1908 г. выпуска), подполковник В. О. Каппель и пр.¹⁹ Барон П. Врангель, полковники А. И. Дутов и А. М. Ионов, генерал от кавалерии П. Н. Краснов, в различные сроки обучались в АГШ.²⁰ Ряд выпускников и слушателей АГШ встали во главе вооруженных сил большевиков: генерал-лейтенанты А. А. Свечин, А. Е. Снесарев; генерал-майоры М. Д. Бонч-Бруевич, С. Г. Лукирский, Н. И. Раттэль, П. П. Сытин; полковники И. И. Вацетис и С. С. Каменев и др.²¹ Заметную роль офицеры Генштаба играли и в националистических формированиях 1918 г.²²

«По разные стороны баррикад» нередко оказывались даже родные братья-выпускники АГШ. Например, генерал-майор Николай Махров (1904 г. выпуска) 10 апреля 1918 г. поступил на службу в РККА, где и прослужил всю гражданскую войну,²³ тогда как его родные братья Василий (1914 г. выпуска) и Петр (1907 г. выпуска) служили во ВСЮР.²⁴ Полковник Виктор Моторный (1908 г. выпуска) с 24 мая по 28 ноября 1918 г. занимал должность Начальника Отдела Оргупра большевистского ВГШ,²⁵ а его брат Владимир (1912 г. выпуска) на 24 февраля 1919 г. значился Начальником штаба Саратовского фронта в армии Адмирала А. В. Колчака.²⁶

Генерал-майор Георгий Михайлович Тихменев (1901 г. выпуска) с 26–27 апреля и до конца ноября 1918 г. занимал должность Начальника Штаба УралВО РККА, затем на середину лета 1919 г. был Военруком того же Округа.²⁷ А его брат генерал-майор Николай Тихменев (1897 г. выпуска) являлся Начальником военных сообщений (ВОСО) в штабе Деникина и был его ближайшим сотрудником,²⁸ и т. д.

События 1917–1919 гг. явились сильнейшим катализатором проявления в среде русского офицерства вообще, а «геништабистов», в особенности, социально-бытовых настроений. В эти годы основную массу русского офицерства крах монархических ценностей «беспокой» несравненно меньше, чем крушение собственного профессионально-служебного статуса!

Затяжная Первая Мировая война не только не принесла России победу, но повергла русское общество в глубочайший социально-экономический кризис, нарушивший всю систему общественного хозяйства. Стремительно росли цены на продукты, обострились массовый голод и безработица. Эскалация гражданской войны на просторах Европейской России в 1918–1919 гг. явно не могла стабилизировать ситуацию в стране. В наибольшей степени последствия экономического кризиса усугубили социальное положение именно русского офицерства. Одним из важнейших последствий радикализации русского общества весной — летом 1917 г. в силу затяжной и неудачной войны стало сокрушение материального и служебного статуса русского офицерства, начало которому было положено Приказом № 1 Петровета (принят 1 марта 1917 г.²⁹). Неудачный исход «Корниловского дела» (конец августа 1917 г.) лишь ухудшил и без того тяжелое положение русского офицерства. «Предательство» премьера А. Ф. Керенского по отношению к генералу Л. Корнилову еще более оттолкнуло офицерскую массу от политики. Не случайно судьба Временного Правительства в ночь 25–26 октября 1917 г. оставила подавляющую часть русского офицерства равнодушной.³⁰ Пришедшие к власти большевики логически завершили процесс крушения офицерского статуса, проведя «демобилизацию армии» (декабрь 1917 — начало 1918 гг.). Ниже об этом будет сказано подробнее.

Русское офицерство традиционно воспитывалось на ценностях профессиональной чести и солидарности, считая себя особой социальной кастой, огражденной от остального общества специфическим «стилем жизни».³¹ Не случайно американский историк W. C. Fuller одним из важнейших показателей военного профессионализма выделил именно «чувство групповой идентичности».³² Показательно, что твердая верность правилам «корпоративной чести» у русского офицерства конца XIX — начала XX вв. сочеталась с жестким неприятием любого, проявления политической активности в офицерской среде. Как следствие, «офицер не смел принадлежать к какой-либо политической партии... и не должен был склоняться к симпатизированию каким бы то ни было партийно-политическим идеям, хотя бы и близким к монархической формуле «Вера, Царь, Отечество». Более того, офицеру предлагали уйти со службы, если выяснялось, что его жена увлекается партийно-политическими идеями!»³³

Традиционная изоляция офицерства от политики, высокая «чувствительность» во всем, что касалось соблюдения своего особого «стиля жизни», обусловили *два социальных последствия, оказавшихся для русского офицерства весьма трагичными*. Во-первых, уже в начале века обозначилось резкое социальное отчуждение русского офицера от остального общества, которое еще более усилилось из-за поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. и подавления армией революции 1905 г.³⁴ Во-вторых, само офицерство оказалось абсолютно неприспособленным к тяжелейшим социальным потрясениям 1917 г. как раз в тот момент, когда последние сокрушили офицерский служебный статус и когда от офицерства срочно потребовалось проявление политической активности. Не случайно русский офицерский корпус, по сути, так ничего и не смог противопоставить революционной стихии, кроме неудачного «Корниловского выступления» в конце августа 1917 г.³⁵ В известной степени в условиях социальной «смуты» 1917 г. свой же собственный «кастовый, корпоративный дух» сыграл с русским офицерством «роковую шутку»: изгоняемые из армии, социально чуждые остальному обществу и сами зачастую неспособные на какой-либо иной труд, кроме военной службы, офицеры неизбежно становились социальными «изгоями».

К концу 1917 г. значительно более существенной, чем преданность политическим идеям (включая монархические), для подавляющей массы русского офицерства стала проблема сохранения своего служебного статуса, поскольку он единственный не только давал средства к существованию, но и обеспечивал офицеру определенную социальную защищенность. Потеря профессиональной принадлежности, т. е. возможности профессионального заработка, в условиях жесточайшего социального кризиса грозила русскому офицерству, учитывая его вышеописанные социальные характеристики, глубокой нищетой и даже физической гибелью.

Если столь остро проблема сохранения служебного статуса стояла перед рядовым русским офицерством, то что же говорить об офицерах Генштаба, которые уже к началу XX в. представляли собой специфическую «касту внутри касты» и обладали несравненно более высоким служебным статусом, нежели остальная офицерская масса.³⁶ В конце 1917 — начале 1918 гг. офицеры русского Генштаба не только зримо ощутили угрозу потери своего высокого служебного статуса (а значит и профессионального заработка), но и прилагали весьма активные усилия для того, чтобы его сохранить.

Резкое обострение к весне — лету 1918 г. гражданского конфликта в стране в условиях окончательного распада царской армии предопределило острую необходимость формирования в противоборствующих лагерях новых боеспособных вооруженных частей. Процесс формирования вскрыл очевидный дефицит опытного комсостава, прежде всего, офицеров Генштаба. Как в лагере «красных», так и в лагере «белых» этот дефицит не был преодолен и в первой половине 1919 г.³⁷ В таких условиях изменилось само восприятие статуса «генштабиста». Намного более существенную роль в служебной карьере офицеров в обоих лагерях, стал играть сам факт обучения в АГШ, хотя бы даже и непродолжительный срок. Не случайно продвинулись выпускники АГШ, не причисленные до 1917 г. к Генштабу: в «белой» армии барон Врангель, а в РККА — Вацетис.³⁸ Важным становился не только факт окончания полного курса Академии, но и прохождение ее сокращенного или ускоренного курсов. Даже офицеры, находившиеся в конце 1917–1918 гг. на положении слушателей старшего или младшего курсов АГШ, могли рассчитывать на приобретение высокого служебного статуса как в РККА, так и в белых частях. Например, в армии Колчака наряду с офицерами, закончившими АГШ задолго до 1917 г., «продвинулись» выпускники и курсанты АГШ 1917–1918 гг.³⁹ В военно-административной практике большевиков с конца 1917 г. и в течение всего 1919 г. можно легко заметить жестко-прагматический повышенный интерес ко всем выпускникам АГШ, а не только к тем, кто закончил Академию и был причислен к Генштабу задолго до 1917 г. Не обходили большевики своим «вниманием» и курсантов АГШ 1917–1918 гг.

Количественное и качественное превосходство «лиц Генштаба» в РККА в 1918 — середине 1919 гг. по сравнению с «белым» лагерем на Юге и Востоке России не вызывает сомнений.

На военной службе у большевиков с конца 1917 до середины 1919 гг. служило всего 703 выпускника АГШ, что составляло около 13% от общей численности офицеров, обучавшихся в последней трети XIX в. — в 1918 г. в АГШ (5515 офицеров). Между тем, если попытаться сравнить численность выпускников Академии, находившихся на службе у большевиков в названное время, с численностью тех же выпускников у Колчака и Деникина, то сравнение окажется явно не в пользу последних. Указанная цифра (703 чел.) превышала общее количество выпускников АГШ, находившихся на лето 1918 г. — зиму 1919 г. в армиях Комуча, Уфимской Директории и Колчака (всего 289 чел.⁴⁰), более чем в 2,4 раза. В боевых частях Деникина служило не более 300 офицеров Генштаба, из которых 206 — штаб-офицеры и генералы. Последняя цифра явно превышала численность аналогичных чинов у Колчака.⁴¹ Но даже если взять максимальную численность деникинского корпуса Генштаба (300 чел.), то выяснится, что он уступал большевистскому в 2,3 раза. Мало того, если мы соберем вместе количество выпускников АГШ, находившееся у адмирала Колчака, генералов Деникина и Юденича (всего 648 чел.), то и в таком случае окажется, что во всех объединенных силах «белого» лагеря за всю гражданскую войну

офицеров Генштаба было на 55 чел. меньше, чем у большевиков в РККА только в 1918–1919 гг.! «Объединение» всех «белых» сил можно предположить только гипотетически, поскольку реально его никогда не существовало. Если на Востоке России боевая активность «белых» имела место уже к лету 1918 г., а на Юге — к осени 1918 г., то армия Юденича на Северо-Западе серьезно заявила о своем существовании лишь в октябре — ноябре 1919 г., когда исход гражданской войны в Европейской России был уже предрешен.⁴²

Несравненно более примечательным следует признать факт качественного превосходства корпуса Генштаба РККА над его аналогами на Востоке и Юге бывшей империи. Так из 703 «генштабистов», служивших у большевиков на различных этапах периода с конца 1917 — на протяжении 1919 гг., штаб- и обер-офицеров, закончивших ускоренный курс в 1917–1918 гг. (АГШ «военного времени»), было только 174 чел. Зато на генералов, штаб- и обер-офицеров, прошедших курс Академии к началу Первой Мировой войны приходится 525 чел. (у 4 чел. срок выпуска из АГШ установить не удалось).⁴³ Таким образом, в РККА в указанный период выпускников АГШ довоенных лет служило в 2,5 раза больше, чем в частях Деникина за все время гражданской войны (у последнего таких персон было 206⁴⁴) и в 5 раз больше, чем у Колчака (на 24 февраля 1919 г. обер-офицеры составляли 189 чел., штаб-офицеры и генералы — только 100 чел.⁴⁵). Если даже мы соберем вместе генералов и штаб-офицеров — выпускников АГШ довоенных сроков, которые находились у Колчака и Деникина в течение всего периода пребывания их обоих на командных должностях, то все равно окажется, что у большевиков этих «генштабистов» было в 1,7 раза больше!

★ ★ ★

Хронологические рамки представляемого труда (ноябрь 1917 г. — конец 1919 г.) обусловлены определенными причинами.

Названный период сам по себе представляет целую эпоху и не только потому, что был насыщен событиями, менявшимися порой с калейдоскопической быстротой. Эти 2 года вобрали в себя также ряд стремительно протекавших социальных процессов, и некоторые из них имели прямое отношение к нашей проблеме исследования. Попробуем теперь выдвинуть *авторскую концепцию хронологии русской гражданской войны начала XX столетия*.

Прежде всего, весь период конца 1917–1919 гг. уместно будет разделить на более мелкие этапы с выделением внутри последних особенно характерных процессов и явлений.

1. Конец лета 1917 г. — февраль 1918 г. характеризовались окончательным развалом «добольшевистской» армии. Развал сопровождался повсеместными гонениями на армейское офицерство в условиях обострения всеобщего социального кризиса (конец лета — осень 1917 г.). В то же время, в ноябре 1917 — январе 1918 гг. большевиками была стремительно начата, но так и не завершена демобилизация «добольшевистской» армии. Последнее происходило одновременно с началом создания «Красного» ВВА на основе старого Главного Управления Генерального Штаба (ГУГШ) и Ставки бывшего Главковерха, где *решающую роль изначально играли бывшие служащие ГУГШ и прежней Ставки; все — офицеры Генштаба!*

2. Март — конец лета 1918 г. характеризовались формированием частей РККА на «местах» в рамках «военно-окружной системы» и отрядов Завесы. Последняя вплоть до конца лета 1918 г. рассматривалась большевистским военным руководством как средство для борьбы с немцами. В указанный период примечательными явлениями стали «победное шествие» по сибирским, уральским и поволжским городам чехословацкого корпуса (май — август 1918 г.), на штыках которого поднялся социалистический Комуч (Самара, 8 июня 1918 г.⁴⁶), и начало осады Царицына Донской Армией казачьего генерала П. Н. Краснова (июль 1918 г.).⁴⁷ В это же самое время уже «блуждала» по кубанской степи Добрармия генерала Деникина, отправившаяся в свой второй Кубанский поход.⁴⁸ К концу лета 1918 г. начало гражданского конфликта на территории Европейской России стало очевидным.

3. Осень 1918 г. — весна 1919 г. (до начала контрнаступления большевистского Восточного фронта 28 апреля 1919 г.⁴⁹). В это время окончательно оформилась жестко централизованная

система большевистского военного управления. Даже ВГШ тогда превратился в одно громадное Мобуправление и был подчинен Реввоенсовету. РВСР под управлением Троцкого сосредотачивает в ведении своего Полевого Штаба (ПШ) и Управделами все «нити» высшего военного управления. Ему подчиняются важнейшие военные структуры большевистского режима: Высшая Военная Инспекция (ВВИ) и ВГШ, Военно-Законодательный Совет (ВЗС) и Управление военных сообщений (УПВОСО), Революционный Военный Трибунал (РВТ) и Центральное Управление Снабжений (ЦУС).⁵⁰ Во всех названных учреждениях практически все «ключевые» должности исполняли выпускники АГШ! Одновременно окончательно оформляется антибольшевистский военный лагерь на Востоке и Юге России: Деникин после смерти генерала М. Алексеева Приказом № 1 от 8 октября 1918 г. стал Главкомом Добрармии, а с 26 декабря 1918 г. / начала января 1919 г. — Главкомом ВСЮР.⁵¹ Адмирал А. В. Колчак совершает переворот в Омске и объявляет себя Верховным Правителем России (18 ноября 1918 г.).⁵² Колчак мог в те дни даже «похвастаться» своими военными успехами: 25 декабря 1918 г. Сибирская Армия Р. Гайды взяла Пермь, а 14 марта 1919 г. Западная Армия М. В. Ханжина захватила Уфу.⁵³ Увы, это была «лебединая песня» «белого дела» на Востоке России.

4. Конец апреля 1919 г. — весна 1920 гг. стали решающим этапом в «судьбах» противоборствующих сторон. Он начался контрнаступлением большевиков на Восточном фронте, которое летом 1919 г. превратилось в мощное наступление, главным итогом которого стал полный крах «колчаковщины» (Челябинская операция, 17 июля — 4 августа 1919 г.). Деникину в первое время сопутствовала удача: его походы на Украину (май — июнь 1919 г.), а затем — на Москву (сентябрь — октябрь 1919 г.) сначала протекали успешно. К 9 октября 1919 г. части ВСЮР подошли к Орлу и Туле, но это была последняя «вершина» военных успехов «царя Антона», за которой последовал резкий спад. Уже 11 октября 1919 г. началось контрнаступление большевистского Южного фронта, закончившееся к весне 1920 г. катастрофой ВСЮР.⁵⁴

Важнейшим же итогом четырех вышеперечисленных этапов двухлетней русской внутренней «смуты» стала весьма любопытная метаморфоза: растерянные и испуганные (ноябрь 1917 г.) большевики⁵⁵ превратились в абсолютных властителей всей Европейской России!

Исторические источники

Мемуары и дневники. Из всего изобилия воспоминаний, посвященных русской революции и гражданской войне 1917–1920 гг. в целом и социальным настроениям русского офицерства, в частности, весьма сложно выделить свидетельства, адекватно и непредвзято отражающие социальный смысл событий. С этой точки зрения весь комплекс мемуарной литературы можно разделить на две противоположные, но одинаково пристрастные группы: мемуары «бело-эмигрантские» и мемуары «красные». «Белые» мемуары русских эмигрантов 20–30-х гг. прошлого века являются по сути своей апологетикой «белого» дела и выражением ненависти, а в лучшем случае — презрения по отношению к большевикам и их режиму.⁵⁶ В этом смысле не составляют исключения целый ряд «белых» воспоминаний, обнаруженных автором этих строк в ГАРФе.⁵⁷ Но и «красные» мемуары являются типичными образцами советской «историко-партийной политизации». ⁵⁸ Как те, так и другие представляют собой весьма низкую ценность для серьезного научного исследования.

Иного отношения заслуживают дневники. Несмотря на определенную долю личного пристрастия их авторов, дневники содержат ценный фактический материал, ибо пишутся очевидцами, как правило, «по горячим следам» событий. Для настоящей работы важный материал предоставили дневники генерал-лейтенанта барона А. П. Будберга (1895 г. выпуска), поэтессы З. Гиппиус, торгового агента Н. П. Окунева, бежецкого священника И. Н. Постникова и др. В них не только содержатся подробные описания событий 1917–1919 гг., но и даны меткие характеристики многим военным и политическим деятелям того времени.⁵⁹